

Резьба по живому

Автор:

[Ирвин Уэлш](#)

Резьба по живому

Ирвин Уэлш

Может ли человек полностью измениться? Самый одержимый из давно знакомых нам эдинбургских парней, казалось бы, остепенился: теперь он живет в Калифорнии с красавицей-женой и двумя маленькими дочками, стал успешным скульптором, его работы нарасхват. Но вот из Эдинбурга приходит сообщение, что убит его старший сын, – и Бегби вылетает на похороны. Он вовсе не хотел выступать детективом или мстителем, не хотел возвращаться к прошлому – но как глубоко внутрь он загнал былую агрессию и сможет ли ее контролировать?.

Впервые на русском – недавний роман «неоспоримого лидера в новой волне современной британской словесности» (Observer), который «неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик» (Spin).

В книге присутствует нецензурная брань!

Ирвин Уэлш

Резьба по живому

Irvine Welsh

THE BLADE ARTIST

Copyright © Irvine Welsh, 2016

First published as The Blade Artist by Jonathan Cape, an imprint of Vintage.

Vintage is a part of the Penguin Random House group of companies All rights reserved

© В. Нугатов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

© Серийное оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Дону Де Грациа

Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть.

Альбер Камю[1 - Альбер Камю. Бунтующий человек (L'Homme re?volte?, 1951; пер. Ю. Стефанова и Ю. Денисова). – Здесь и далее примеч. перев.]

Пляж

Когда он поднимает Еву к небу, яркое солнце вспыхивает у нее за головой, на миг одаривая Фрэнсиса трансцендентным чувством, которым он хочет насладиться, пока не опустил ребенка на землю. Горячий песок быстро обожжет босые ноги, думает он, отворачиваясь от солнечного света, и как бы она тоже не обожглась. Но сейчас Еве хорошо, и ее залиvistое, как пулеметная очередь, хихиканье вынуждает его продолжить игру.

Самое классное, когда работаешь на себя и сам выбираешь часы работы, в том, что всегда можно взять отгул. Джиму очень важно быть здесь, на пустынном пляже, рано на рассвете, этим июльским утром, с женой и двумя маленькими дочерьми, пока все остальные пытаются проспать после отмечания Дня независимости. Пляж абсолютно пустынный, только пронзительно кричат морские птицы.

Когда он только переехал в Калифорнию, они жили в квартире Мелани с двумя спальнями, в студенческом городке Айла-Виста, рядом с кампусом университета, где она работала. Джим обожал океан, и они часто гуляли по прибрежной тропе от Голита-Пойнт до Деверё-Слу, изредка встречая по пути лишь одиноких бродяг или серферов. Когда родились сначала Грейс, а потом и Ева, они переехали в Санта-Барбару, и их походы сократились до небольших вылазок.

Сегодня утром они встали рано, еще до прилива, и припарковали «гранд-чероки» на Лагун-роуд. Идут они в старых кедах, поскольку пляж усеян нефтяными сгустками с соседнего эллвудского месторождения – единственного боевого участка на материковой части Америки во время Второй мировой. Неторопливо шагая к океану, они миновали низкие песчаниковые скалы, отделяющие санта-барбаровский кампус Университета Калифорнии от Тихого океана, и направились к спокойной насыщенной голубизне лагуны. Приливные заводи и крабы, выброшенные отступающим морем, загипнотизировали девочек, и Джиму неохота было идти дальше: он разделил с ними наивную радость, перенесшую его обратно в детство. Но позже, у Голита-Пойнт, будет еще больше крабов, так что они побрели дальше и сделали привал под скалами, за которыми находились университет и Айла-Виста. Ночные грозы, праздничный уик-энд и каникулы в колледже сообща очистили пляж от человеческого присутствия.

Непривычно суровая погода в последнее время начала улучшаться, но бурное море все равно оставило большие песчаные наносы. Если ты не настроен ждать прилива, надо преодолеть их, чтобы добраться до океана. Джим скинул обувь и подхватил Еву, зная, что трехлетка унаследовала его нетерпеливую натуру, а Мелани расправила пляжные полотенца и осталась сидеть с пятилетней Грейс.

Шлепая по воде, Джим поднимает Еву, вновь зачарованный ее довольным смехом. Из-за песчаных дюн ему не видно Мелани и Грейс, но он знает, что их видно Еве. Пока она высоко в вытянутых руках Джима, мать и сестра в поле ее зрения, и она гукает и тычет пальцем всякий раз, когда он подбрасывает ее над головой.

Но затем что-то вдруг меняется.

Меняется в лице ребенок. Снова взмывая в небо, Ева опускает ручки по бокам. Она смотрит туда же, Джим следит за ее взглядом до самой верхушки песчаного наноса, но на лице девочки растерянность. Джим чувствует, как что-то б?хает внутри. Прижав Еву к груди, он быстро взбирается на дюну, приволакивая больную ногу по песку, но, видя Мелани и Грейс, не замедляет, а, наоборот, ускоряет шаг.

Мелани становится легче и в то же время страшнее, когда Джим поднимается из песка с Евой на руках, а подернутое дымкой солнце пробивается сквозь облака у него над головой. Наверное, теперь они уйдут – двое мужчин, которые спустились со скал на пляж по извилистой, посыпанной гравием дорожке. Она смутно ощутила их присутствие, но почти не придавала значения, решив, что это студенты, пока они не подошли и не сели рядом с ней и ее дочерью. Она намазала руки Грейс солнцезащитным кремом и уже начала намазывать себе.

– Может, помочь растереть? – спросил один из них, противно улыбнувшись под темными очками.

Она похолодела от его тона – не плотоядного, а холодного и сухого. На нем была черная майка-алкоголичка, под которой выступали толстые мышцы, и он провел рукой по своему коротко стриженному черепу. Его сообщник был помельче, со светлыми всклокоченными волосами, падавшими на пронизательные голубые глаза, и перекошенной, мерзкой, злорадной ухмылкой.

Мелани промолчала. Это не студенты. На прежней работе ей частенько приходилось бывать в тюрьмах, которыми от них так и разило. Ее парализовал страшный когнитивный диссонанс: в прошлом она призвала выпускать подобных мужчин на волю – мужчин, которые казались адекватными, исправившимися. Сколько из них свернули на скользкую дорожку, возвратившись в привычную среду? Мелани трудно выбить из колеи, но ситуация явно гнилая. Внутреннее чутье настойчиво посылало ей сигналы, что это не просто надоедливые типы, а Грейс смотрела на нее с мольбой, требуя сделать или сказать что-нибудь. Мелани хотелось как-нибудь донести до нее, что в этой ситуации лучше не предпринимать ничего. Мелани окинула взглядом скалы и пляж: никого. Это место, обычно такое популярное, сейчас было пугающе безлюдным.

Но потом появился Джим, проворно шагавший по песку. Ева прижималась к нему, тыча в них пухлым пальчиком.

– Что, язык, сука, проглотила? – рявкает тот, что в черной алкоголичке. Зовут его Марчелло Сантьяго, и он не привык, чтобы женщины игнорировали его вопросы.

Вдруг Мелани становится по-настоящему страшно. Джим приближается. «О боже, Джим».

– Слушай, отвали, вон мой муж идет, – спокойно говорит она. – Вам что, пляжа мало? Мы тут с детьми отдыхаем.

Марчелло Сантьяго встает, глядя на Джима, который устремляется к ним, не выпуская Еву из рук.

– Мы тут прикинули, что можем устроить пикник вместе, – скалится он Джиму в лицо.

Белобрысый, которого зовут Дэмиэн Кувер, тоже поднимается и стоит рядом с Мелани и Грейс.

– Что случилось, папа? – капризно спрашивает Грейс, глядя снизу вверх на отца.

Джим кивает Мелани.

– Забирай их и возвращайся в машину, – бесстрастно говорит он.

– Джим... – умоляет Мелани, тараща глаза сначала на него, а потом на Дэмиэна Кувера, но под конец переводит взгляд на девочек и рывком ставит Грейс на ноги.

Она шагает к Джиму, который передает ей Еву, не спуская глаз с Сантьяго и Кувера.

– Возвращайся в машину, – повторяет он.

Мелани ощущает близость девочек, косится на двух мужиков и направляется по пляжу к маленькой стоянке на песчаной банке наверху. Оглядывается и видит, что ее сумочка лежит на полотенце. Внутри – ее сотовый и Джима. Она видит, что Кувер это засекает. Джим тоже.

– Иди, – говорит он в третий раз.

Кувер смотрит вслед Мелани и детям, покидающим пляж. Ее тело в бикини – упругое и подтянутое, но она ссутулилась от страха, и ее движения, обычно такие грациозные, задумчивы, изломанны и некрасивы. Тем не менее Кувер похотливо косится на нее.

– Аппетитную пелотку ты себе отхватил, брат, – со смехом говорит он Джиму Фрэнсису, а его дружок Сантьяго, который все это время сжимал и разжимал кулаки, тоже негромко и невесело смеется.

Реакция у Джима Фрэнсиса одна – бесстрастное оценивание.

Поэтому Сантьяго и Кувер вынуждены смотреть на молчащего мужчину, который стоит перед ними в одних шортах защитного цвета. Загорелое тело, мускулистое, но покрытое странными шрамами, наводит на мысль, что в эту семью калифорнийских блондинок он попал из-за косяка при кастинге. Он неопределенного возраста – как минимум сорок, возможно, и под пятьдесят, а значит, он на добрых лет двадцать старше своей бабы. Чем должен обладать этот мужик, думает Сантьяго, чтобы заполучить такую вот секс-бомбу? Деньгами? В нем явно что-то есть, хоть и трудно понять что. Он смотрит на них,

будто узнаёт.

В голове Сантьяго разворачивается база данных со всеми прошлыми стычками, харями из баров и тюряг. Ничего. Но этот взгляд...

– Ты откуда, браток?

Все так же молча Джим переводит взгляд с темных линз Сантьяго на голубые глаза Кувера.

– Чё вылупился? – резко говорит Кувер, сует руку в спортивную сумку у себя под ногами, достает большой охотничий нож и машет им в паре футов от Джима Фрэнсиса. – Хочешь попробовать? Вали отсюда нахуй, пока еще успеваешь!

Джим Фрэнсис пару секунд глядит на нож. Потом наклоняется, ни на миг не спуская глаз с Кувера, подбирает сумочку и полотенца и, неторопливо повернувшись, уходит по пляжу за женой и детьми. Они замечают, что он слегка прихрамывает.

– Хроможоп, – рявкает Кувер, убирая лезвие.

Джим приостанавливается, делает медленный вдох и идет дальше. Два мужика презрительно смеются, но это смех облегчения оттого, что человек, недавно стоявший напротив, уже свалил. Дело не только в его крепком телосложении и решимости яростно, до смерти драться ради своей семьи. Есть в нем что-то еще: рубцы на теле и руках, будто покрытых огромными татуировками; тонкие, но протяженные шрамы на лице; но самое главное – глаза. Да, думает Сантьяго, они говорят о том, что он из другого мира – не того, где обитают эта баба и эти детишки.

Джим подходит к «гранд-чероки», припаркованному на посыпанной гравием стоянке за пляжем, в полусотне ярдов от асфальтированной дороги. Там стоит еще одна машина – обшарпанный четырехдверный пикап «сильверадо». На секунду его охватывает паника, потому что он не видит Мелани и девочек, но это просто восходящее солнце, прожигая облака, отражается в стеклах машины. Они в безопасности, он возвращается к ним, и Грейс забрасывает его вопросами. Кто эти люди? Чего они хотели? Они плохие? Он пристегивает ее сзади вместе с Евой, а сам залезает на переднее пассажирское сиденье. Мелани заводит

«гранд-чероки» и проезжает мимо «сильверадо», понимая, что он принадлежит двум незванным гостям.

– Надо пойти в полицию, – шепчет Мелани, довольная, что Грейс увлеклась игрушкой. – Я так испугалась, Джим. От таких ничего хорошего не жди. – Она понижает голос: – Я подумала о бедняжке Поле... Даже не знаю, что случилось бы, если бы ты не пришел... Я не видела тебя за дюнами...

– Давай отвезем девочек домой, – тихо говорит Джим, роняя руку ей на колено, которое равномерно дрожит. – А потом я подумаю о полиции.

Чтобы добраться домой, нужно немного проехать по шоссе 101, а потом еще милю – до здания в испанском колониальном стиле в Санта-Барбаре, в нескольких кварталах от океана. Мелани загоняет «гранд-чероки» на передний двор, Джим всех выгружает, после чего идет во второй гараж, который он превратил в мастерскую, появляется оттуда через пару минут и выгоняет машину обратно на дорогу. Мелани молчит, но, когда он сворачивает с подъездной дорожки, ей снова становится не по себе.

2

Курьер 1

Из его разможенной башки текла кровь. Наконец все стихло и застыло. Отойдя от тела, я посмотрел вверх на голые неприступные стены. Вверху, на вспученном сиренево-черном небе, блестела полная луна, припорошивая светом металлические ступеньки, вмурованные в каменную стену. После этой стремной передряги я был как выжатый лимон, и в моих маленьких слабых ногах не осталось больше сил. Я подумал: «Как же, блядь, я теперь выберусь обратно наверх?»

3

Рассуждения

Джим возвращается через пару часов и видит, что Мелани играет с девочками на заднем дворе за деревянной террасой, под купой зрелых фруктовых деревьев. Она затеяла хитроумную игру вокруг огромного кукольного дома, выкрашенного красной краской, над которым он проработал почти целый год. Девочки этот дом обожают, потому что внутри Джим соорудил запутанную систему из блоков, пандусов и подшипников, при помощи которых кукольным обитателям можно устраивать всякие бедствия. На лужайке валяется нереальное множество фантиков и игрушек – Мелани попыталась хоть как-то загладить неудачную вылазку на пляж.

Она встает и подходит к нему:

– Ты говорил с полицией?

Джим молчит.

– Не говорил, да?

Джим выпускает воздух из легких.

– Нет. Просто физически не могу. Моя ДНК не располагает к общению с ними.

– Когда психопаты угрожают женщинам и детям, нормальные граждане сообщают в полицию, – обрывает Мелани, качая головой. – Ты же знаешь, что случилось с Полой, твою ж мать!

Джим поднимает брови. У Полы другая история – два парня, студенты, которых она знала. Но он не собирается спорить на эту тему.

Понимая, что повела себя чересчур высокомерно и Джима это напрягло, Мелани ободряюще гладит его руку и с настойчивой мольбой произносит его имя:

– Джим...

Джим щурится в солнечном свете, пробивающемся сквозь листву большого развесистого дуба, и снова равномерно втягивает воздух. Мелани смотрит, как расширяется его грудная клетка. Потом он выдыхает.

- Знаю... Это глупо. Но я просто не смог. Поехал глянуть, там ли они еще, но их и след простыл. Они ушли – на пляже ни души.

- Что-что ты сделал? – Мелани от изумления открывает рот. – Ты издеваешься?

- Я не собирался чинить с ними разборки. – Джим качает головой, крепко сжав зубы. – Просто хотел убедиться, что они больше ни к кому не пристают. У них же одно на уме – шастать по кампусу и кого-то доставать. Тогда бы я...

- Что?

- Позвонил в охрану кампуса.

- Именно это я сейчас и сделаю, – сообщает Мелани и направляется в дом за своим сотовым, лежащим на барной стойке в кухне.

Джим входит за ней следом.

- Не надо...

- Что...

- Я кой-чего сделал, – признается он и видит, как плывут черты ее лица. – Не с ними – с их тачкой. Поджег тряпку, засунул в бензобак и взорвал. Так что, наверно, лучше, чтобы копы и даже охрана кампуса не знали, что мы там были.

- Ты... что ты...

Когда он повторяет свое объяснение, Мелани Фрэнсис вспоминает этих мудаков с их наглыми наездами и представляет их реакцию, когда они увидят свою раскуроченную машину. Она смотрит на мужа и начинает смеяться, обнимая его за шею. Джим улыбается, глядя через ее плечо в окно на двор, где Грейс плетет для Евы венки из маргариток.

Мастерская

Из огромного музыкального центра горланит «Китайская демократия» «Ганз н' Роузиз»[2 - «Китайская демократия» («Chinese Democracy», 2008) - 6-й студийный альбом американской хард-рок-группы Guns N' Roses (с 1985).] - причем на такой громкости, что буквально выталкивает Мартина Кросби обратно за тяжелую армированную дверь, которую он отодвинул, чтобы войти в небольшую студию. Традиционная наборная стереосистема с высоченными динамиками втиснута в пространство с окном и застекленным потолком; еще здесь едва помещаются печь для обжига и мольберт, а на полу свалены в кучу краски и стройматериалы. Джима Фрэнсиса за верстаком не видно, но Мартин без труда узнаёт голливудских актеров и поп-звезд, выставленных на полках, несмотря на то что художник невероятно изобретательно их изуродовал. Искромсанное бритвой лицо звезды блокбастера зашито грубыми нитками. У кумира из кабельного сериала на голове сбоку выросла массивная опухоль. Поп-принцесса, какая жалость, осталась без глаза.

Музыка резко умолкает, и у его плеча возникает Фрэнсис с пультом в руке, отчего Мартин подскакивает. Художник, по своему обыкновению, ничего не говорит собственному агенту. Сам Мартин Кросби - человек спокойный и молчаливый, предпочитает слушать, выглядывая из-за очков в серебристой оправе. У него навалом неблагодарных клиентов, и некоторые из них считают его в лучшем случае неизбежным злом. Но у него никогда не было такого... недружелюбного - не то слово, это был бы почти комплимент, - такого непрошибаемого, как Фрэнсис. Мартин ехал два с половиной часа по забитой федеральной трассе, чтобы предложить помощь своему художнику в связи с предстоящей выставкой, но все, что он слышит от Фрэнсиса:

- Ну и чего тебя сюда занесло?

Когда Мартин объясняет, почесывая подбородок со щетиной такой же длины, как на голове, Джим Фрэнсис просто говорит:

– Все путем. Лучше я вернусь к работе, – и тычет в маленький холодильник. – Возьми себе воды. – После чего берет пульт, и комнату снова наполняют звуки, которые Мартин считает беспонтовой, перепродюсированной рок-музыкой, – они насилуют его барабанные перепонки.

Он собирается что-то сказать, но понимает всю бессмысленность этой затеи, а Фрэнсис между тем подходит к скульптуре в углу, склоняется над очередной головой, остервенело лепит ее большими мозолистыми руками, а потом кромсает целой коллекцией ножей.

Впрочем, Мартин почти не жалеет, что приехал, – зато увидел Джима Фрэнсиса за работой. Тут есть на что посмотреть. Большинство скульпторов чересчур озабочены физической стороной, но Мартину кажется, что контролируемая ярость Фрэнсиса провоцируется рубящим, режущим гитарным звучанием и грубым вокалом, так что музыка в прямом смысле руководит им при работе с глиной. Как будто рок-группа сама сочиняет эту голову, а Фрэнсис – лишь посредник. Сбоку на стене висят магнитные полоски, а на них – всевозможные ножи. В основном традиционные тонкие лезвия из нержавеющей стали, которые другие художники используют при лепке из глины, но есть и побольше, похожие на охотничьи, а другие напоминают хирургические инструменты. Мартин вспоминает, как Фрэнсис сказал в одном интервью, что ему нравится использовать орудия, которые традиционно не ассоциируются с лепкой.

Джим Фрэнсис – странный тип, спору нет, думает Мартин, хотя это качество вряд ли уникально среди его клиентской базы. Мартин хотел поговорить об открытии в следующем месяце, убедиться, что все работы будут готовы к выставке, и выяснить, как ее лучше всего организовать. Это оказалось непросто. У Фрэнсиса есть электронный адрес, но он никогда не отвечает на авансы Мартина и на его СМС. Телефонные разговоры, если он снисходит до того, чтобы взять трубку, становятся упражнениями в грубоватом минимализме. Во время последнего разговора Джим Фрэнсис просто сказал со своим скрипучим акцентом:

– Не забудь пригласить на открытие Рода Стюарта, – и дал отбой.

Поэтому-то Мартин и приехал из Лос-Анджелеса, но покамест все говорит о том, что день будет потрачен впустую. Это совершенно неприемлемо. В растущем отчаянии Мартин кричит художнику в спину, но музыка слишком громкая, а он почему-то побаивается даже минимального физического контакта,

намекающего, что он не прочь побеседовать. У него появляется шанс, когда трек заканчивается и вопли Эксла Роуза ненадолго затихают.

– ДЖИМ!..

Художник поворачивается и, схватив пульт, выключает музыку. Спокойно смотрит на Мартина.

– Я понимаю, что ты очень занят, и глубоко восхищаюсь твоей трудовой этикой, но нам нужно принять несколько важных решений по поводу выставки. Необходимо, чтобы ты меня внимательно выслушал. Я приехал из Лос-Анджелеса...

– О'кей, – возбужденно рявкает Фрэнсис, но затем, похоже, слегка оттаивает. – Дай мне часок, и мы сходим хватанем поздний обед. Проходи в дом, Мел угостит тебя кофе, пивом или чем там еще. – И он снова врубает музыку на такой громкости, что Мартин Кросби с радостью соглашается.

Закрыв за собой дверь, он входит в маленькую прихожую, а затем в дом. Наверное, в студии раньше был гараж, потому что теперь это середина на половину. Немного похоже на самого Фрэнсиса, размышляет Мартин.

Он встречался с женой Джима Фрэнсиса, Мелани, всего один раз, на открытии выставки. Кстати, она дружелюбная и приятная в общении, в отличие от его бесцеремонного и отчужденного клиента. Ее светлые волосы стянуты красной лентой на затылке, она в серых трениках и красной майке на лямках. На полу перед гигантским телевизором с плоским экраном – гимнастический мат, а гантели, эластичные эспандеры и тонкий слой пота на лбу Мелани указывают на недавние физические нагрузки.

Она приносит пару бутылок холодной воды и приглашает Мартина сесть на кушетку, а сама опускается в мягкое кресло напротив, складывая ноги в позе лотоса.

– Джим очень сосредоточивается во время работы. Я восхищаюсь его целеустремленностью – меня, например, слишком легко отвлечь, но находиться рядом не всегда весело.

Она встряхивает головой в веселом умилении, чтобы Мартин не подумал, будто этим замечанием она хотела как-то унизить мужа.

Проходит часа полтора, и наконец появляется Джим Фрэнсис. Мартин успевает проголодаться, но уж больно приятно беседовать с Мелани. Если Джим Фрэнсис сошелся с такой общительной, жизнерадостной и привлекательной женщиной, к тому же намного моложе, значит он обладает неким шармом, однако Мартину Кросби никак не удастся его уловить.

Они садятся в «универсал» Фрэнсиса и молча едут в центр Санта-Барбары, где останавливаются у пляжного кафе «Береговая линия». Направляются к столику на открытом воздухе под навесом, с видом на Тихий океан, и Мартин обращает внимание, что Джим Фрэнсис вроде бы слегка расслабился. Тот замечает пару с большой, морщинистой восточной собакой, здоровается, пожимая руку мужчине и целуя женщину в щеку, а затем усердно гладит восторженное животное.

– Соседи, – объясняет он Мартину, когда они садятся, и непринужденно улыбается подходящей молодой официантке. – Как дела, Кэнди?

– Все хорошо, Джим, – нараспев отвечает она, и на ее губах лампочкой вспыхивает улыбка.

По примеру клиента Мартин заказывает омлет из яичных белков со шпинатом и сыром фета, а также салат из свежих фруктов. Он включает свой «мак» и показывает схемы размещения и варианты экспозиции: как можно развесить картины и расставить скульптуры. Растолковывает, что такое естественное и поставленное освещение, описывает разнообразные эффекты, которые оно создаст для тех или иных работ.

– Я подумал: если ты выделишь вечер или утро, чтобы съездить и посмотреть помещение... – начинает он, но Фрэнсис затыкает его, твердо постучав по самой первой схеме расстановки на экране.

– Эта сгодится, – говорит он.

– Ну, у нее есть определенные преимущества, – соглашается Мартин, тыча пальцем в картинку, – но проблема в том, что здесь кирпичная стенка и нет

окна...

– Сгодится, – повторяет Фрэнсис, поглядывая на соседний столик, где компания похмеляется после Дня независимости, переворачивая бутылки «Короны» и переливая пиво в нестандартные бокалы для «маргариты».

– Ну, э... ладно, Джим, решай сам. – Мартин Кросби натянуто улыбается. – Я еще хочу строгие классические колонны, можно поставить на них скульптуры – такой эффект последних дней Древнего Рима...

– Угу, ништяк. От людей Рода Стюарта ничего не слышать? – перебивает Фрэнсис, когда официантка приносит омлеты.

– Пока нет. Я скажу Ванессе, чтоб их поторопила, – говорит Мартин, с растущим унынием наблюдая, как Фрэнсис бросает хашбрауны роющимся в мусоре чайкам, которые бродят по песку за верандой.

Ему кажется, что клиент получает несоразмерное удовольствие от кормежки этих агрессивных птиц. Джиму особенно по душе та, что парит на восходящих потоках воздуха: он старается бросать еду в ее сторону, наслаждаясь возбужденными визгливыми криками и не обращая внимания на явный дискомфорт остальных посетителей кафе.

Позже, когда Мартин Кросби едет обратно в Лос-Анджелес, его ассистентка переводит звонок на громкоговоритель в машине. Звонит не Род Стюарт и не его представители, а женщина с таким же акцентом, как у Джима Фрэнсиса, которая утверждает, что она – его сестра.

5

Звонок

Он не слышал голоса Элспет много лет, но мгновенно узнал его по телефону, даже не глянув на определитель номера. Хотя номер все равно не определился бы, ведь они давным-давно перестали общаться. Их мать умерла несколько лет

назад, уже после того, как Джим перебрался в США. Джим приезжал на похороны, но сразу же вернулся в Лос-Анджелес. С тех пор он поменял номер, даже не удосужившись сказать об этом Элспет. Как она его нашла? Элспет врубная. Младшая сестрица – десять лет и четыре месяца разницы. Брат Джо старше Джима чуть больше чем на год. Зачем она звонит? Наверно, что-то с Джо – он же алкаш. Пьянка свела в могилу отца. Джо светит то же самое.

– Элспет...

– Я тебя нагуглила. Узнала твой номер от твоего агента. Долго выясняла, что это правда ты... ну, типа Джим. В общем, хреновые новости... – У нее дрожит голос. – Мне очень жаль... – Он чувствует, как трудно ей говорить. – Шона вчера не стало. Нашли у него на хате.

«Шон... Какого хуя...»

– Я пока больше ничего не знаю, – говорит Элспет с грустью, досадой и болью в голосе. Новость, конечно, шокирует, но Джима Фрэнсиса больше поражает интонация, ведь они с сестрой не очень хорошо расстались. – Мне ужасно жаль...

Мозг Джима обжигают вопросы, которые всплывают в голове, соревнуясь между собой за его внимание. Он втягивает воздух через нос, наполняя легкие. Вспоминает Джун – бабу, от которой у него Шон и другой пацан, Майкл. Тогда она показала ему первенца с какой-то демонстративной гордостью. «Вот видишь? Видишь, на что я способна?» Он почувствовал странное самодовольство, которого никак не мог выразить, а больше ничего. Потом пошел в паб, купил всем бухла и нажрался сам. Внезапно сознание опалют образы: лицо младенца Шона, потом лица Джун и всех парней в пабе. Наконец – лицо Элспет, его сестры, которая сейчас молчит в трубку. Как она гордилась тогда, девчонкой, что стала теткой. Казалось, все они из какой-то другой жизни, прожитой кем-то другим. Он смотрит на свое загорелое лицо в зеркале на стене. Мелани вертится сзади, отражается ее напряженное лицо. Когда родились Грейс и Ева, все было иначе. Он чувствовал себя каким-то маленьким, зато частицей бескрайнего космоса и, закружившись в калейдоскопе эмоций, плакал и сжимал ее руку.

– Ты еще тут? – Голос Элспет в трубке.

- У тебя есть номер Джун?

Элспет медленно произносит цифры, которые он свободной рукой вбивает в айфон.

- Ясное дело, приеду. Наберешь мне, если будут подробности?

- Конечно наберу.

- Спасибо... - выкашливает он и кладет трубку. - Шон, - говорит он Мелани. - Его больше нет.

- Господи, - Мелани прижимает ладонь ко рту. - Как это случилось?

- Нашли мертвым в Эдинбурге. - Голос у Джима бесстрастный и ровный. - Мне надо смотаться туда на похороны, ну и выяснить, что случилось, ясное дело.

- Конечно, - потрясенно говорит Мелани, обнимая его; он напряжен: свитер надет как будто на бронзовую статую. - Что сказали?

- Он мертв - это все, что я знаю.

Она расслабляет руки, но не отпускает его. Состояние Джима напоминает ей, как она впервые попыталась его обнять, когда они только сошлись: эта страшная жесткость во всем теле.

- Мне так жаль, что я никогда его не знала. И Майкла тоже.

Джим молчит, невозмутимый и неподвижный, как его скульптуры. Мелани чувствует, как его напряжение просачивается в ее тело и оно тоже затвердевает. Разжав объятия, она опускает руки.

- Ты же ни во что не будешь там ввязываться?

Джим категорически качает головой.

– Во что там ввязываться? Просто хочу выяснить, что случилось, съездить на похороны, – говорит он и добавляет другим голосом: – Глянуть, кто искренние слезы льет, а кто крокодиловы. – И он идет в небольшой кабинет, садится за компьютер и выходит в Сеть.

– Джим...

– Ты вот говоришь, что никогда его не знала. Я тоже, – бормочет Джим, и его карие глаза затуманиваются. – Мелким он был для меня просто развлечухой. Не играл никакой роли. Потом я сидел в тюрьме. С ним и с его братом я вел себя неправильно, – говорит он почти непринужденно, как будто беседует с кем-то другим. Это смущает Мелани, он замечает и понижает голос. – Когда у меня появились дети, я решил, что никогда не буду вести себя с ними так, как мой старик вел себя со мной. И сдержал слово: я вел себя еще хуже, – откровенно признается он, переходя на сайт «Американских авиалиний», а затем поворачивается к Мелани и говорит с нажимом: – Но с девочками я другой.

– Конечно другой, ты мировой папа, – говорит Мелани, возможно, настойчивее, чем следовало. – Теперь все иначе. Ты был еще слишком молод, ты...

– У меня была зависимость от насилия, – холодно констатирует Джим, вбивает информацию и достает кредитную карточку. – Но теперь вся эта дурь у меня под контролем, потому что ни к чему прикольному она не ведет. Только на нары. Сыт по горло.

– Да. – Мелани смотрит на Джима, сжимая его ладонь.

Она пытается отыскать его – того мужчину, за которого вышла замуж, которого увезла с собой в Штаты. Но видит лишь шотландского уголовника по имени Фрэнсис Бегби, с которым познакомилась много лет назад.

Они приходили в пятницу вечером и резались в карты, пока маманя играла в бинго. Там были дедуля Джок, Карми, Лоузи и пацанчик намного моложе – Джонни Твид по прозвищу Красавчик, единственный, кто давал мне бабла. Отводил меня в сторонку и всучивал фунтовую бумажку или пятьдесят пенсов и малехо мне подмигивал, мол, это чисто между нами. Наглая, дерзкая четверка, они расхаживали, как индюки, в длинных пальто «кромби» и мягких фетровых шляпах. Я тащился от них от всех, и мой брат Джо тоже.

Батя бухал с моим дядькой Джимми. Он всегда нажирался как скотина. Маманя выгоняла его, бывало, на годы. Он, когда возвращался, какое-то время не пил, но это продолжалось недолго. Потом пропадал с концами. Говорили, он типа вкалывает на буровой, но я-то знал, что он в тюрьме, ну или путается с какой-то тупой лярвой. Потом он снова раз вернулся и успел заделать мамане мою сестренку Элспет.

Я всегда ждал этих пятничных вечеров, хоть и было в них что-то стремное. Дедуля Джок растягивал пиво, которое редко допивал до конца, и прихлебывал виски. Всего один стакан. Он смотрел на двух своих сыновей, как они бухают, развалившись на стульях, пердят и горланят, и даже пацаном я чувствовал, как он закипает от досады. Думаю, это нас и объединяло.

Маманя терпеть не могла и его, и троицу его кентов. Называла их бандюками. Тогда, в конце семидесятых, они были из последних, кто вкалывал на загибавшихся доках. Все они, кроме Джонни, работали там с самой войны и скоро должны были выйти на пенсию. Трое старших имели бронь по профессии и в боевых действиях не участвовали. Меня всегда прикалывало, что говнюки, которых все считали крутыми, прикрывались своей работой, лишь бы не пиздиться с нациками. Но на самом деле это было ради личной выгоды.

Помню, мать однажды мне сказала:

– Они забирали все, что предназначалось для рабочих. Воровали за-ради себя. Военная надбавка – она ж для всех была, а не только для этих воругов.

Это было малехо лицемерно. Я смотрел на барахло у нас дома и сравнивал с домами босяков. У нас было все, пока старый не пробухал. И понятно, откуда оно взялось. Я ни разу не слышал, чтоб маманя собиралась это вернуть.

Но она пыталась оградить меня от дедули Джока и его кентов. Мне было тринадцать, и я учился в первом классе, когда они ко мне присмотрелись. На моего брата Джо, на четырнадцать месяцев старше, им было поебать, и это хорошо. Это придавало мне весу.

Тогда еще мало что придавало.

Я никак не мог научиться читать в начальной школе, и в средней меня определили в класс для даунов. Буквы и слова на странице ничего не значили – они были просто смазанным шифром, который не получалось взломать. Прошло много лет, и мне поставили диагноз – дислексия. Но тогда учителя и дети-зазнайки смеялись над моей тормознутостью и тупостью. Меня просто мутило от бешенства. Я сидел за партой и напряженно сопел, чуть не вырубаясь от злости. Потом я узнал, как остановить этот смех, – надо просто выпустить гнев наружу, превратить смех в кровь и слезы.

Поэтому было приятно, что тебя ценят дедуля Джок и его друзья – эти самоуверенные ушлые мужики, которых люди, по ходу, боялись и уважали. Только вот Джонни Твида я никак не мог прочухать. По возрасту он был ближе к бате, и я всегда думал, что ему надо корешиться с ним, а не с дедом. Как ясно по кликухе, Красавчик Джонни был смазливый чуваком с большими белыми зубами и короткими темными волосами, похожими на банную щетку. От него пахло крепким средством после бритья, куревом и спиртным – как и от всех мужиков в детстве, но Джонни всегда был как-то поароматнее.

Школу я ненавидел и подрабатывал рассыльным в «Р. и Т. Гибсон» – продуктовом магазине в Кэнонмиллзе. Я ездил на большом велике с черной металлической рамой, в огромную корзину спереди были напиханы коробки с продуктами. Я крутил педали этой тяжелой махины на людных улицах, усердно работал тощими ножонками, только чтоб удержать ее вертикально. Еще я расставлял товары на полках в магазине. Хозяина звали не Гибсон, а Малколмсон – визгливый раздражительный мудозвон. Малколмсон вечно строил меня и Гэри Гэлбрейта – еще одного школяра, который там работал.

Однажды в субботу утром дедуля Джок зашел в магаз вместе с Карми. Уилли Кармайкл был молчаливым шкафом – руки как лопаты, вечно ошивался при дедуле Джоке. У Джока была фирменная кривая ухмылка, которую я теперь называю «ехидной». Он впился глазами в Малколмсона, и тот нервно ерзал, пока они разговаривали, и визжал еще пронзительнее.

– Лииниитские докеры, само собой, Джок, мы хотим, чтобы лииниитские докеры были довольны!

Мудацкая улыбка не сходила с дедулиного хайла. Они с Карми отвели Малколмсона в сторонку и что-то ему шепнули. Я держался подальше, расставляя банки с резаными ананасами на полках, но видел, как глаза Малколмсона стали еще больше и шире, а глаза Джока и Карми – узенькими, как щелочки. Потом Джок сказал мне:

– Смотри, пацан, не волынь тут и слушайся мистера Малколмсона, усек?

– Угу.

Потом они вышли с магазина. Малколмсон некоторое время повторял «нихуясе», но потом посмотрел на меня со странным восхищением и страхом. Сказал нам, что теперь доставкой будет заниматься в основном Гэри Гэлбрейт, а я буду расставлять товар внутри, в тепле. Это была хорошая новость для меня, но не для Гэри. На улице стоял блядский дубак. Но я должен был совершать всего одну доставку три раза в неделю: коробка фруктов и овощей для литских докеров. Я ни разу не видел, чтоб дедуля или кто-то из его дружбанов съели хотя бы один фрукт или овощ, если не считать картофана.

На стреме стоял уебан по имени Джон Стрэнг, в толстых очках и с зализанными волосами. Все знали его как буйного психа, который отмотал срок в Карстэрсе – учреждении для невменяемых преступников. Мостовая булыжная, что было не важно при въезде, но выезжал я из их хазы с коробкой, наполненной тяжелыми бутылками бухла, которые гремели и звякали. Стрэнг говорил «нихуясе»: ясный перец, его окучивали Джок и остальная братва, но, если даже просто пройти мимо этой вылупившейся рожи, становилось как-то не по себе. Потом я катил обратно в магаз и сгружал бутылки в контейнер на задах. Джонни приезжал позже в фургоне и забирал. Я узнал, как они работают, когда однажды ночью засел в кустах у тропы вдоль Вод Лита и за ним подсмотрел.

Хотя мне было по приколу ходить к докам и встречаться там с дедулей Джоком и его кентами. Понятно было, что они такие наособицу, а другие докеры их не переваривают. Зависали они в этой кирпичной постройке у старого сухого дока, который отжали под свою малину. Стояла постройка в восточной части, за ней большой проволочный забор и промышленные корпуса, от остальных докеров

вдали. Думаю, обе стороны это устраивало. «Хаза», как они ее называли, явно была раньше складом сырья; внутри деревянные стол и стулья, да еще полка с какими-то чистящими матерьялами. Там горел свет, не было окон, помещение проветривалось только через вентиляционные каналы в кирпичах вверху и внизу и наглухо закрывалось большой деревянной дверью, которую оставляли малехо приоткрытой, пока мы были внутри.

Я сидел с ними, пил из кружки чай, нагретый на бутановой плитке, которую они всегда включали зимой, и слушал их треп. Пока я был малой, их терки казались мне чудными, они часто говорили загадками, употребляли слова и выражения, которых я не догонял. Они как будто общались на другом языке, каким-то шифром – типа пережитки прошлого.

Может, они никуда и не знали за то, что «Джэм» занимал верхние строчки хит-парадов, зато разбирались в людях и их слабостях.

– Глянь на своего брата Джо, он же ссыт тебя, – сказал мне раз на хазе дедуля Джок. – Кумекает, что слабей тебя.

Это открытие сразило меня наповал. Джо постоянно меня чморил – колошматил, превращал мою жизнь в ад. Но дедулина заява почему-то выглядела правдоподобной. Когда Джо меня пиздил, в глазах у него была паника, как будто он боялся ответки, которой никогда не получал. Но, вооружившись этим врубом, я решил, что теперь-то она наступит. Когда он ее не ждет. Этот старый сучара Джок чуял в человеке слабину, как акула чует кровь в воде, и все разглядел. Все догнал.

Я, когда был помельче, всем рассказывал эту историю за себя и за Джо – историю о переломном моменте. Хоть я и присочинил, будто это батя отвел меня в сторонку и подговорил хуйнуть Джо по хайлу кирпичом, пока он спал. Вот каким я хотел видеть отца – чтобы у него была такая вот жажда власти. Но это был не батя. Это был дед. Старина Джок.

Но самое главное, что это был хавальник Джо, а кирпич – у меня в руке. Он проревел всю ночь, кровь стекала на подушку. Я пересрал, но был бодрячком, чуть ли не кайфовал от собственного могущества. С тех пор мы оба знали, какой между нами счет.

Сестра

Полет расплылся светящимся, замысловатым пятном информации. В наушниках горланили аудиокниги, дополненные теперь «киндлом». Поразительное чувство свободы. Можно увеличивать текст и сосредоточиваться на отдельных словах, чтобы они из-за близости не слипались все в кучу. Он научился менять шрифты: некоторые читать было легче, и эксперименты принесли плоды. Одновременно с актерами, читавшими текст, он учился распознавать слова на странице. Постепенно горькое разочарование от неудачи сменилось возбуждением от учебы. Насмешки учителей, хихиканье одноклассников, разъедающий стыд и безудержная, неистовая ярость – все это теперь было про другого человека из другого времени.

Но в паспорте стояло все то же имя – Фрэнсис Джеймс Бегби. При этом в профессиональной среде он пользовался псевдонимом Джим Фрэнсис, а жена в основном называла его Джимом. Замена произошла легко и просто: по чистой случайности фамилия Мелани совпала с его именем, а друзья в колледже часто называли ее «Фрэнки». Тем не менее ей польстило, когда он сказал, что хочет носить имя Джим и что после рождения Грейс все они возьмут фамилию Фрэнсис.

– Не хочу, чтоб из нее выросла Бегби, – подчеркнул он.

Но как бы его там ни называли, он даже не думал, что когда-нибудь снова вернется в Шотландию. Этого просто не было в его органайзере, и он поклялся, что приезд на похороны матери станет его последним визитом. Он не был близок с братом и сестрой или с сыновьями и считал, что они там заняты чем всегда. Но он и мысли не допускал, что они там возьмутся умирать. Так что собственная нутряная реакция его не удивила, но шокировало, насколько она глубока.

Что же касается дружбы с закоренелыми беспредельщиками, тут товарищество и даже подлинная симпатия возможны, только если строго придерживаться субординации. Но когда она нарушается, это ведет к катастрофе, и далеко не всякие отношения выживают, если даже удастся выжить обеим сторонам. В

любом случае его старые друзья вели жизнь, которая уже совсем его не привлекала.

Он поговорил с Джун, быстро учуяв сквозь сдавленный плач и дурман антидепрессантов, что главная ее цель – заставить его оплатить похороны, что он с готовностью и предложил. Она ввела его в курс дела: по анонимной наводке Шона нашли на квартире в Горги, где он истек кровью после множества ножевых ранений. Полиция решила, что там на него и напали, но свидетелей не было, а шума борьбы соседи не слышали. Хозяин сдавал квартиру известному барыге, который сейчас мотал срок в тюрьме. Никаких доказательств торговли наркотой, и, насколько всем было известно, помещение долго пустовало до того, как туда вселился Шон.

Затянувшийся полет оказался утомительным, а пересадочный рейс из Хитроу задержался. И вот он снова в Эдинбурге, измочаленный и задубевший, в легкой кожаной куртке, выкатывает средних размеров красный чемодан, набитый в основном футболками, носками и трусами. Когда он выходит из здания аэропорта, его насквозь продувает ветер с Северного моря. Надо было прихватить одежду по сезону. Он достает свой айфон, когда выскакивает сообщение от телефонного оператора, который лаконично сообщает, по каким грабительским тарифам можно пользоваться его услугами за рубежом. Затем приходит эсэмэска от Мелани, поприятнее:

Люблю!!! ХХХ

Он отвечает:

Добрался благополучно! Люблю!!! ХХ

Он смотрит испуганно: до него доходит, что слово «благополучно» написано неправильно. Потом, добравшись до стоянки такси, к своему удивлению, мгновенно узнает таксиста по курчавым волосам. Ну а водитель узнает его.

– Здоров, чувак! Ты ж Франко, угу? Старый кореш Больного!

– Терри.

Франко, как его всегда будут называть в Эдинбурге, натянуто улыбается. Джус Терри – один из городских персонажей, приятно увидеть знакомое лицо. Последний раз, когда он слышал о Терри, тот еще снимал холостяцкие видосы со своим старым дружкой Больным, а в свободное время таксовал.

– Читал за тебя. У тебя всё пучком. – Терри скалится, но потом сразу морщится. – Это самое... слышал за твоего малого. Жалко до крику, чувак. Молодой пацан, и все такое.

– Спасибо, но я с ним типа не контактил.

Терри быстро обдумывает ответ, пытаюсь понять, правда это или всего лишь стоическая бравада.

– На похороны сюда, угу?

– Угу.

Доставив Франко по нужному адресу в Мюррейфилде, на улице с мешаниной малоэтажек, Терри дает ему визитку.

– Если будет нужно таксо, тока свистни, – подмигивает он. – Я не так часто вешаю табличку «свободен», если просекаешь фишку.

Франко берет визитку и кладет во внутренний карман, выходит из такси, прощается и смотрит вслед умчавшемуся Терри. Сквозь жутковатую утреннюю мглу он видит внушительный стадион регби. Потом, катя за собой красный чемодан, шагает по короткой подъездной дорожке к оштукатуренному дому, где живет его сестра со своим мужем и двумя сыновьями. Он стучит в дверь, и ему открывает Элпет с высокой копной волос на голове, скрепленной невероятным арсеналом булавок и заколок. Она тут же обнимает его, крепко прижимает к груди:

– Ой, Фрэнк... Прости... входи, ты, наверно, умаялся...

- Я в норме, - мягко говорит он, хлопая ее по спине.

Они перестают обниматься, Элспет впускает его в дом, в долгожданное тепло, и предлагает пиво, от которого он наотрез отказывается:

- Ни капли в рот не беру.

- Прости, - извиняется она слегка раздраженно, но потом исправляет свою ошибку. - Все такой же трезвенник?

- Уже почти семь лет.

Элспет мешает себе джин с тоником, хотя еще только утро.

- Классно выглядишь, - произносит она, садясь рядом.

Фрэнк Бегби не может сказать того же о своей младшей сестре. Она отяжелела, лицо опухло.

- Пилатес, - улыбается он.

- Гонишь!

- Угу, это по части Мел. Просто хожу в боксерский клуб четыре раза в неделю.

Элспет смеется, на глазах сбрасывая лет десять.

- Не представляю, как бы ты занимался пилатесом, но это ж Калифорния - мало ли чего!

- Ну, случилось, кажися, и не такое.

Словно признавая, что в этом есть доля истины, Элспет спрашивает:

- Так ты у нас щас художник, угу?

– Говорят.

Щурясь, она поднимает бокал к губам и отпивает.

– Ой да, читала за тебя в «Скотланд он сандей». Все эти голливудские звезды хотят с тобой корешиться. – Элспет поднимает брови. – А Джорджа Клуни когда-нибудь встречал?

– Угу. Видел разок.

– И какой он?

– Мне понравился, – признается Франко. – И потому я считаю, что некультурно говорить о людях за глаза.

От его пафосного ответа Элспет коробит.

– С каких это пор тебя-то стала заботить культура?

– Никада не поздно начать.

Элспет как будто задумывается над этим и воздерживается от колкого замечания, которое вертится на языке.

– Страшно жалко Шона, – начинает она, а затем суровеет. – Но надо выложить карты на стол. Просто чтоб мы оба понимали, что к чему.

Франко поднимает одну бровь:

– Я – за.

– Ты можешь заливать всем за эту твою «великую реабилитацию», – Элспет презрительно ухмыляется, – но меня-то ты не проведешь. Я знаю тебя как облупленного. В курсах, что ты за жук.

Она смотрит на него, ожидая реакции.

Ноль эмоций. Похоже, брат не то чтобы не обиделся, а, скорее, не услышал, что она там сказала.

- Но все равно мы родня, - вздыхает она. - Так что милости просим, можешь перекантоваться в комнате для гостей, пока похороны не пройдут.

- Премного благодарен.

Элспет щурится:

- Но хоть раз выйдешь за рамки - мигом вылетишь за дверь. Я серьезно, Фрэнк. У меня тут парни.

Фрэнк Бегби чувствует, как внутри поднимается что-то до боли знакомое. Ему хочется встать и послать ее нахуй, а потом просто уйти из этого унылого, упорядоченного пригородного дома с его безликой бежевой обстановкой и мебелью. Но он втягивает воздух в легкие и смотрит на двух фарфоровых собачек на каминной полке. Это материны, перевезли со старой квартиры. Потом он поворачивается и медленно кивает:

- Понимаю.

Кажется, Элспет сбивает с толку этот покорный ответ, и она явно сглатывает слюну.

- Знаешь, Шон заходил сюда пару раз.

- Угу?

- Поперву все шло хорошо, приятно было его повидать. - Она улыбается, но затем мрачно качает головой. - А потом, когда он покатился по наклонной, приходил сюда тока деньги клянчить.

- Я все верну.

– Дело не в этом. – Элспет поднимает бокал. – Я не хотела, чтоб он ошивался вокруг Томаса и Джорджа. Они хорошие ребята. Но брали с него пример – он ведь старше и их двоюродный.

Фрэнк пытается все обмозговать. Шон, его племяши, этот дом в Мюррейфилде. Довольно сносный, но, конечно, никакого сравнения с его собственным роскошным доминой в Калифорнии, размышляет он с некоторым удовлетворением. Когда он был пацаном в Лите, Мюррейфилд казался курортом для миллионеров, а сейчас, под его критическим взглядом, выглядит (по крайней мере, эта его часть) обычным серым, убогим райончиком, куда совершенно незачем стремиться. Но голова уже трещит от статики, и он зевает во всю глотку.

– Слышь, у меня слегонца десинхроноз. Ничё, если я прикорну малехо?

– Не вопрос, – говорит Элспет и проводит его в комнату для гостей.

Франко раздевается до трусов и залезает под пуховое одеяло. Наслаждаясь возможностью лечь и растянуться после тесного самолета, он погружается в беспокойный сон с обрывистыми сновидениями. Проходит пара часов, и он просыпается от шума с первого этажа. Вбив номер Терри в айфон, он делает небольшую разминку, после чего немного боксирует с тенью в зеркале во весь рост, отжимается сто пятьдесят раз, а затем принимает душ.

Мальчики, Джордж и Томас, десяти и девяти лет, вернулись из школы. Они смотрят на него в полном восторге. После светских любезностей о полетах и Америке Джордж решается сказать:

– Мама говорила, ты в тюрьме сидел.

– Джордж! – шипит Элспет.

– Не, всё норм, – улыбается Франко. – Да, сидел.

– Ничёссе... наверно, чё-то плохое сделал, да?

– Чё-то плохое, – подтверждает Франко, – но больше дурацкое. Из-за этого на нары и попадают. Но вы, по ходу, пацаны умненькие и такими глупостями заниматься не будете. Ну, как там в школе?

Ребята охотно рассказывают о своих буднях, и, болтая с ними, Франко поражается, как сильно он на самом деле любит племяшей. Даже Элспет веселеет, и он показывает ей фото своих девочек на айфоне.

– Красивые, – говорит она чуть ли не с осуждением, как бы подразумевая, что рано или поздно он их погубит.

Приходит с работы Грег, муж Элспет. Он немного набрал вес, а волосы поредели.

– Фрэнк! Рад видеть. – Он протягивает руку и крепко пожимает ладонь Франко. – Хотя и жаль, что по такому случаю, – хмуро поправляет он себя.

– Ага, я тебя тоже, спасибо, – выдавливает Франко, думая о том, что Грег похож на классического британского менеджера среднего звена: уставший, затюканный и придавленный гнетущим осознанием того, что он достиг своего потолка и следующей крупной переменной в жизни будет еще далекий выход на пенсию или, в худшем случае, не такое уж далекое сокращение. – Как работа?

– Ой, не спрашивай, – качает головой Грег.

«Больно надо мне тебя спрашивать», – думает Франко.

Но Грег дружелюбен, как и его сыновья, и ему охота поболтать.

– Ходят слухи о слиянии. Ничего хорошего, Фрэнк. – Он выглядывает в окно и, тяжело вздохнув, повторяет: – Ничего хорошего.

После ужина (Франко поражает, что сам он тоже называет его ужином, а не «чаем») мальчики расходятся по своим комнатам, а Грег серьезно и попивает виски, пока Элспет загружает посудомоечную машину на кухне.

– Просто восхищаюсь тобой, Фрэнк, – как ты изменил свою жизнь с помощью искусства. Наверно, получаешь большое моральное удовлетворение.

- Ну да, деньги – это круто.

- Всегда мечтал написать великий шотландский роман... – с тоской, нараспев произносит Грег, показывая на книжный шкаф. – Даже прошел курс писательского мастерства...

Проследив за взглядом Грега, Франко видит «знакомые все лица» и обнаруживает, что большинство читал.

- В школе говорили, я классно рисую, но я никогда не замечал. Раз намалевал картинку с черным солнцем. Учителю аж башню снесло: «Черное солнце, Фрэнсис Бегби?» Но меня приколот сам образ черного солнца – как черная дыра в космосе. Засасывает все во мрак: откуда мы пришли, туда и уйдем.

Грег кивает, но его улыбка рассеивается, когда до него доходит удручающий смысл сказанного. Снова овладев собой, он восторженно произносит:

- Обладать таким творческим потенциалом... Хотел бы я оказаться на твоём месте! Встречаться со звездами... Ты знаком с Дженифер Энистон?

- Лучший отсос в моей жизни.

Грег поднимает брови, поглядывает на кухню и понижает голос:

- Ни фиги себе. Гонишь, да?

- Угу. Не такая уж она и клевая.

- Ха-ха-ха... – Грег фыркает, но умолкает, когда снова появляется Элспет.

Фрэнк рассматривает компакт-диски, выставленные в большом шкафу. В глаза бросается несколько настольных игр, сложенных на нижней полке. Он встает посмотреть.

- «Монополия»... эдинбургская! Не знал, что они выпускали. Сыграем?

– Нет, – с холодной категоричностью говорит Элспет. – Помнишь, как мы последний раз играли в «Монополию» всей семьей? У мамы на Рождество?

Франко вдруг притихает, а из своих комнат возвращаются мальчишки.

– Что такое? – спрашивает Джордж.

– Не твоего ума дело, – говорит Элспет.

Франко вспоминает, как они поставили посередине доски бутылку виски «Фэймос граус». Задумка была такая: кто попадает на «бесплатную парковку» – делает глоток. Сам он почему-то попадал на нее много раз. Потом Джо смухлевал, сказав, что у него выпало не одиннадцать, а десять, чтобы попасть на «Парк-Лейн» и прибавить ее к «Мейфэру», который у него уже был. Фрэнк схватил бутылку и разбил ее об голову брата, шокировав Элспет, Джун, бывшую подругу Джо Сандру и их мать Вэл. Джо увезли в больницу, где ему наложили двенадцать швов. После этого воспоминания Франко передумывает. Он вытаскивает «Мышеловку».

– Не видал таких лет сто, – говорит он, раскрывая коробку.

– Ты ж ее терпеть не мог, – напоминает Элспет. – Всегда говорил, что надо кучу всего выстроить на доске, только чтобы запустить эту фигню, и то не всегда получалось.

– Я бы не прочь сыграть: потрянуть стариной, – предлагает Фрэнк. – Эта покруче, чем у нас была. Я и не помню мужика в ванне. – И он смотрит на пластмассовые примочки, которые Джордж и Томас уже нетерпеливо собирают на доске.

8

Происшествие

На следующее утро Франко встает рано и смотрит в окно до конца улицы, на мостик через Воды Лита и к стадиону регби. Странно, как река петляет всю

дорогу до Лита и Ферт-оф-Форт, вдоль доков. Его снова поражает, как он сам воспринимает район. Это дешевое, паршивое жилье с «каменной» штукатуркой – всего на ступеньку выше муниципальной застройки.

Он берет свой американский сотовый, замечает, что садится батарея, и до него доходит, что, собираясь второпях, он прихватил с собой только американскую зарядку. Но Франко все-таки звонит Мелани: авось повезет и она еще не легла. Жена мгновенно отвечает:

– Привет!

– Привет, солнышко, как дела? – Франко чувствует, как сглаживается его акцент. – Как мои девочки?

– У нас все хорошо. Просто трудно понять, что им говорить. Решила сказать: «Старый папин друг заболел». Больше ничего не придумала.

Франко взвешивает это и одобряет:

– Умный ход. Наверно, так лучше.

Мелани рассказывает смешную историю про Грейс, а Фрэнк говорит, что они играли в «мышеловку». Когда он чувствует, что телефон вот-вот вырубится, они прощаются, и он идет на кухню готовить завтрак.

Подошедшая Элспет удивляется, что он занял ее территорию и готовит омлет из яичного белка и швейцарского сыра, щеголяя в фартуке с изображением толстухи в трусиках. Раньше он и чайник вскипятить не мог.

– Новые таланты, – отмечает она.

– Вас такое не интересует, ребятки? – говорит он с остатками легкой американской наигранности в голосе.

Элспет отказывается, но Грег, который входит, пытаясь разгладить хохолок на голове, с восторгом принимает предложение. Заглотив свою порцию, Франко ненадолго исчезает и снова появляется в свитере на змейке, готовый выйти на

улицу.

– Куда намылился в такую рань? – спрашивает Элспет.

– Решил прошвырнуться в город, а потом, наверно, в Лит – может, встречу кого знакомого.

Элспет молча выдает ему запасной ключ. Франко видит, как в голове у нее кипит типичная бурная деятельность: она обмозговывает возможное развитие событий.

Когда Франко уходит, Грег высказывается:

– Твой брат – как будто совсем другой человек! Славно поболтали с ним о его творческом процессе.

– Ты видишь в людях только хорошее, Грег, – холодно отвечает Элспет. – Ты не знаешь, какой он на самом деле.

Франко решает восстановить хронологию последних дней Шона. Его первый порт захода – хата в Горги, где его сын встретил свою кончину. Она запрятана в темном переулке с многоквартирными домами, за стадионом «Тайнкасл». Между булыжниками проросли целые каналы из мха, и повсюду царят могильный покой и тишина. На входной двери домофон, но Франко медлит: неохота беспокоить соседей, пока не выяснил больше фактов.

Элементарные сведения, полученные от Джун, отчаянно нуждаются в дополнении. Направляясь к мосту Георга IV и Эдинбургской библиотеке, он читает газетные репортажи о происшествии. Потом звонит в полицейский участок «Гейфилд-сквер» – по специальному номеру, указанному в связи с этим делом. К его удивлению, секретарша тут же соединяет его с офицером, ведущим расследование. Полицейский представляется инспектором сыскной полиции Алли Нотменом. Выразив Франко соболезнования в связи с утратой, он говорит, что хочет встретиться с ним очно, и спрашивает, когда Франко сможет зайти. Тот отвечает, что доберется в течение часа. Нотмена это устраивает. После звонка индикатор на айфоне должен был показать, что батарея разряжена, но

она стойко держится.

Франко шагает по городу с непривычной отрешенной бодростью. Когда он поднимается на верх Лит-уок, пульс еще сильнее подскакивает: это ворота туда, откуда он родом. Несмотря на благожелательный прием по телефону, все-таки странновато по собственной воле входить в полицейский участок «Гейфилд-сквер». В последний раз, когда он сюда наведался, много лет назад, его протащили через эти двери в обезьянник. Он был под газом, рвал и метал, весь покрытый кровью Доннелли – еще одного конкурента, с которым устроил поножовщину возле паба «Джозеф Пирс» через дорогу. Это случилось среди бела дня. Интересно, о чем он тогда вообще думал? «Ебучий камикадзе». Франко останавливается, отступает от стеклянных дверей участка и со ступеньки георгианской площади оборачивается на паб. Было бы меньше возни, если б он просто вошел в участок и вломил дежурному.

На этот раз офицер здоровается с ним, приветливо улыбаясь, и это непрерывное сочувствие еще больше вышибает Франко из колеи. Вызывают офицера, с которым он недавно говорил, и тот мгновенно появляется. Инспектор Алли Нотмен – высокий темноволосый мужчина, худой, но с растущим пивным животом. Нотмен пожимает Франко руку, соболезнуя его утрате, и проводит в тихую комнату. Только после этого инспектор перестает замыливать мозги и методично разбирает дело по косточкам.

– Шон получил многочисленные колотые раны в грудь, живот, брюшную полость и бедра. Глубокие порезы только на одной руке указывают, что он был способен оказать лишь чисто символическое сопротивление – вероятно, в связи с крайней интоксикацией. Он умер от удара, разрезавшего бедренную артерию. Видимо, истек кровью в течение минуты.

Нотмен поднимает темные брови, ожидая реакции от Франко.

– По ходу, малый, который это сделал, был не в себе, и ему просто свезло, – размышляет Франко. – Не похоже на работу хладнокровного мокрушника.

Нотмен продолжает сидеть с каменным лицом, хотя Франко мерещится, что в глазах копа мелькает удовлетворение. Потом инспектор показывает ему копию отчета токсиколога.

– Здесь указано, что Шон был в состоянии тяжелой наркотической интоксикации.

Франко бегло просматривает документ: помимо профессионального жаргона, в глаза бросаются слова «героин», «экстази», «кокаин», «амфетамин сульфат», «каннабис», «валиум», «амилнитрат» и «антидепрессанты». «Тот, кто заявился на этот флэт и завалил несчастного говнюка, никогда бы не переплюнул весь этот арсенал».

– Нехило так, – замечает Франко. – Под чем он тока не был...

– Как я уже сказал, вряд ли он осознавал, что на него напали, в таком состоянии.

«Это еще мягко сказано», – думает Франко.

– Есть подозреваемые?

– Идет расследование, – любезно говорит Нотмен. – Разумеется, мы будем информировать вас и вашу бывшую... мать Шона... о развитии ситуации.

– Ништяк, – говорит Фрэнк Бегби.

Он хорошо знает эту кухню. Легаши не станут выкладываться на все сто, чтобы найти виновного. К собственному изумлению, он понимает, что едва ли может их винить. Наверное, Шон, как и он сам, давно уже был пропащим и продолжил бы сеять вокруг себя хаос. Зачем потакать подобным людям? Они и сами перемочат друг дружку, если просто оставить их на произвол судьбы. Несмотря на наш недалёковидный и вынужденно-неохотный треп, правда в том, что с точки зрения закона мы вышли за рамки демократии, универсальности и равенства и де-факто приняли иерархическую, элитистскую картину мира. Те, что внизу, не играют никакой роли, пока угрожают только друг другу, а не тем, кто наверху, или каналам поступления доходов – например, туристам. Его собственные дети, Шон, Майкл и Ривер, сын от его бывшей подруги Кейт (о котором он практически забыл, поскольку начал мотать длинный срок, перед тем как ребенок родился, и порвал с Кейт, пока сидел на киче), – все они не имели для него никакого значения. Как можно их сравнивать с Евой и Грейс, родившимися от образованной матери в благоприятных обстоятельствах? Ставку всегда делают на холеную породистую лошадь, а не на клейдесдальского тяжеловоза. Если он сам проводит такое различие между своим потомством, как он может осуждать

полицию за их пофигизм, пока в городе сейчас, наверное, тырят сумку у какого-то несчастного туриста?

- Один вопрос, - говорит Франко. - Кто его нашел?

- Кто-то сделал анонимный звонок на «три девятки» и вызвал «скорую»: сказал, что произошел несчастный случай, и повесил трубку.

Фрэнк Бегби задумывается. Звонивший, ясное дело, как-то замешан. Обычный лох позвонил бы не только в «скорую», но и в полицию и не стал бы называть то, что произошло с Шоном, «несчастливым случаем».

- Может такое быть, что звонивший его и грохнул?

- Вполне возможно. Или друг, или сообщник, который стал свидетелем убийства и знал Шона и того, кто это сделал. Может, потом совесть замучила, - говорит Нотмен, - но наверняка мы не знаем.

Франко размышляет над этим, чувствуя, что больше от копов особо ничего не добиться.

- Вы, кажется, круто изменили свою жизнь. Я слышал, вы добились успеха в мире искусства. - Нотмен еле заметно улыбается.

- Не жалуюсь. Руки малехо чесались, - говорит Франко, теперь уже окончательно понимая, что никуда они делать не будут. А еще он просекает, что они так охотно согласились с ним встретиться с единственной целью - сказать, чтобы он тоже никуда не предпринимал.

- Я понимаю, что вы очень расстроены, мистер Бегби, - произносит Алли Нотмен профессионально-серьезным тоном. - Но, само собой разумеется, вы должны оставить это дело на наше усмотрение. Мы хорошо друг друга поняли?

- Я с радостью дам вам, ребята, заниматься тем, что у вас лучше всего получается, - улыбается Франко, а потом мрачно добавляет: - Если вы дадите мне заниматься тем, что лучше всего получается у меня.

Лицо у Нотмена вытягивается.

Франко расплывается в лучезарной улыбке:

– А это, конечно, живопись и скульптура.

9

Партнер по танцу 1

Они очутились на задней веранде клуба, привлеченные танцевальными ритмами, разливавшимся из музыкального центра, над которым колдовал в углу диджей. После унылого, почти пустынного интерьера веранда показалась оазисом: люди танцевали, сидели за столиками, пили и курили или бродили небольшими компаниями. Мелани и Джим сразу отметили, что вокруг в основном латиносы: еще одна белая пара кружилась с определенным изяществом и сноровкой, а двое чернокожих мужчин, облокотившись о перила, то поглядывали вниз на улицу, то поворачивались и пытливо рассматривали толпу. Джим с Мелани – по ее предложению – заняли места у стены, напротив бара. Они смотрели на отшлифованный деревянный танцпол, и красная скатерть стола свисала им на ноги.

Не успели они разместиться, как на веранду гордо вышли две потрясающе красивые женщины, сногшибательно одетые и с такой же осанкой. Одна была холеная и обворожительная, со стройной фигурой и невероятно точеными формами. «Модель, наверное», – подумала вслух Мелани. Вторая, с чувственными губами и длинными черными волосами, выступала, словно львица, привлекая внимание всех присутствующих. Переглянулись не только Джим и Мелани: происходило что-то необычное, и все наводило на мысль, что самое главное еще впереди.

Через пару секунд вслед за важными посетительницами вошел молодой человек в голубом костюме. Он был красивый, гибкий и прилизанный, однако двигался непринужденно. С сигаретой в зубах он обвел всех высокомерно-презрительным и в то же время игривым взглядом. Заметив сначала двух чернокожих, а затем

Джима с Мелани, мужчина широко осклабился, словно приветствуя новых гостей. Потом махнул диджею, сел за столик к двум женщинам, и они заказали бутылку белого вина.

Мелани старалась не пялиться, но что-то в этой троице ослепительно искрило. Их аура находила отклик у всех посетителей – они излучали единство с музыкой и атмосферой этого заведения. Они казались значительными – и причина тому была глубже, чем просто внешность. Они были здесь своими, и в их поведении чувствовался чуть ли не Божий промысел.

Прошло полчаса; Мелани и Джим расстраивались, что эффектная троица не танцует, хотя встали уже почти все. По настоянию Мелани они с Джимом тоже поднялись и с трудом одолели пару танцевальных движений, встреченные добродушными, хоть и слегка сочувственными взглядами. Потом диджей поставил песню побыстрее, а мужчина в голубом костюме встал и кивнул худой женщине модельной внешности, которая потягивала вино. Сделав глубокую затяжку и потушив сигарету в пепельнице, мужчина взял партнершу за руку, и они зашагали к танцполу. Женщина поначалу выглядела почти безразличной, но мужчина, похоже, завел ее своим взглядом, и они стали танцевать под музыку.

Сердце Мелани забилося чаще. Она посмотрела на Джима, которого этот дуэт буквально приковал к месту. Они инстинктивно направились за столик, чтобы насладиться исполнением. Это было удивительно: танцующая пара как будто воплощала звук в человеческих движениях, ритме, своеобразии, стиле, грации и зажигательной страсти. Джим и Мелани не могли оторвать глаз. Мужчина нежно взъерошил женщине волосы, погладил по лицу и потом, когда темп бешено рванул вперед, схватил ее за талию и наклонил, а она запрокинула голову.

Мелани открыла в изумлении рот, по спине побежали мурашки, а ладони вспотели. Рука Джима под нависающей скатертью оказалась у нее на колене и тарантулом поползла вверх по бедру. Несмотря на это, Мелани не могла отвести взгляд от пары на танцполе. Каждый такт музыки отмерялся взмахом ладони, изгибом руки, вращением бедра, и каждое крещендо усиливалось поворотом... потом двумя... тремя... четырьмя... а затем пауза, и Мелани почувствовала, как пальцы Джима залезли к ней под юбку, в трусики, и нащупали клитор на ее влажной киске. Почти одновременно ее рука расстегнула верхнюю пуговицу на поясе брюк, оказалась в его ширинке и крепко обхватила член – твердый, как кирпич. Оба пристально смотрели на танцующую пару, и Мелани слышала дыхание Джима, медленное и прерывистое. Оно становилось все поверхностнее,

эхом отражая ее собственное дыхание, и они кайфовали от танца – элегантности, драйва и сексапильности заводного дуэта.

Вся толпа, пара за парой, постепенно очистила танцпол, а выступление звезд тем временем набирало обороты. На первый взгляд оно казалось бесшабашным, но при этом каждый шаг был исполнен технического совершенства. Люди выстроились в кружок, просто смотрели и аплодировали. Они загородили обзор, и Мелани с Джимом тоже встали бы из-за стола, если бы обоих не накрыл умопомрачительный оргазм. Когда песня кончилась, все в зале закричали, засвистели и захлопали. Мелани и Джим сидели в ступоре, понимая: сейчас произошло что-то знаменательное. Он шепнул ей на ухо:

– А в городе дают уроки сальсы?

– Да, – сказала Мелани. – Наверняка мы что-нибудь найдем.

Надо же было полицейскому управлению прислать именно Гарри – нелюдимого и печального Гарри Паллистера, с которым она впервые столкнулась в седьмом классе неполной средней школы Голита-Вэлли. Мелани мысленно перенеслась в то время. Она нюхом чуяла, что некоторые парни западали на нее: в воздухе витал запах их феромонов. И с некоторыми эта страсть была взаимной. Но Гарри оставался в тени и молча страдал, изредка бросая на нее тоскующие взгляды. Потом, когда Мелани перешла в девятый класс средней школы Санта-Барбары и, краснея от восторга, ступила на кампус этого здания в испанском колониальном стиле, первым знакомым лицом, которое она увидела, было лицо Гарри.

И радости как не бывало.

Теперь он стоит на крыльце, и Мелани, хотя и щурится от солнца, сияющего у него за спиной, все равно видит его худое, простодушное, смиренно-страдальческое лицо, как будто Гарри слишком трудно жить в этом мире, но он мужественно и безропотно продолжает сражаться. Сейчас, как и тогда, он казался вестником крупных неприятностей.

– Немножко новостей – о тех людях, по поводу которых ты звонила.

Она уже успела пожалеть о звонке и своей жалобе на парней, что ей угрожали. Зачем она позвонила? Джим в каком-то смысле им отомстил, взорвав их машину. Мелани знала, что подлинная причина – надругательство над ее подругой Полой Мастерс, которую изнасиловали двое других мужчин. Преступниками были не праздные гастролеры, а студенты, но это не важно. Таковы уж мужчины, опасные для женщин.

– Привет, Гарри, заходи, – через силу говорит она нараспев, ступая в дом. Он следует за ней, безучастно глядя на картины на стенах, входит в гостиную и после приглашения садится на диван.

Гарри роется в кожаном портфеле, достает две фотки и кладет на стол перед Мелани.

– Это они? Те двое, что к тебе приставали?

Эту парочку ни с кем не спутаешь. На полицейских фотографиях они еще больше похожи на тех, кем являются: возможно, их вчера арестовали. Темноволосый – молчаливый и грозный; белобрысый – с такой же ухмылкой на лице. Мелани сглатывает, жалея, что не послушалась Джимова совета. Зачем, ну зачем только она позвонила? Но он же всего-навсего взорвал их тачку...

Она кивает:

– Они натворили что-то еще?

Гарри делает вид, будто не услышал, снова лезет в портфель и достает распечатку. Мелани не видно, что это такое, и ей тем более никак не вникнуть в содержание. Он читает – держит паузу. Для себя она объясняет его поведение этой демонстрацией доминирования.

Мелани никогда не боялась принимать себя такой, как есть. Она не видела необходимости извиняться за свою красоту или обеспеченность. Она просто сознавала, что либеральные ценности ее семьи воспитали в ней великодушие и заботу о тех, кто идет по жизни не с таким показным комфортом, и понимала, что относительный достаток еще и предоставлял ей свободу следовать своему призванию. Чувствуя, что приятная внешность притягивает как положительное, так и отрицательное внимание, она научилась со спокойной уверенностью

общаться с качками, ботанами и всеми промежуточными вариантами. В чужие расклады втягиваться нельзя. Никогда.

Но молчаливые страдания Гарри всегда ее раздражали. Как будто он просто околавывался поблизости и ждал, когда Мелани легализует его жизнь улыбкой, приветствием или даже признанием в любви. Теперь он снова молчит.

Мелани пытается его растормошить:

- Гарри?

- Ты сказала, они угрожали. - Он откашливается и вынимает из кармана брюк блокнотик.

Теперь до нее доходит. Безобидный Гарри с блокнотом. Они никогда не бывают безобидными - «полисыя», как называл их Фрэнк, вернее, Джим, с ледяной сдержанностью высказав свое мнение, когда она их познакомила на презентации своей работы. Гарри пришел вместе с общей школьной подругой - Мелани намеревалась сделать ей внушение с глазу на глаз. Что же Гарри учуял в Джиме? Уголовные наклонности? Опасность? Или даже художественный талант? В тот вечер он не смущал ее привычными косыми взглядами, а пристально изучал Джима. Возможно, пытался постичь, почему таких красивых, умных и богатых женщин, как Мелани, привлекают мужчины, явно запрограммированные разрушать надежды. Пытался разгадать, в чем их преимущество над такими, как он, преданными пешками, которые хотели просто ухаживать за женщиной. Обеспечивать ее. Спасать. Мелани раздумывала, какими по-своему страшными бывают подобные мужчины, сами того не ведая. Нередко даже страшнее многих преступников-психопатов. И вот теперь - медлительный взгляд Гарри, его слегка неуклюжая, придурковатая манера и расспросы о столкновении с этими двумя асоциальными членами социума.

- А Джим - как он отреагировал?

- Он был очень спокойным, - говорит Мелани, растягивая последнее слово, чтобы расслабиться. - Сказал, чтобы я отвела детей в машину. А потом слегка припугнул этих парней и пошел вслед за нами.

Накорябав что-то еще и снова помолчав, Гарри спрашивает, барабаня ручкой по блокноту:

– И что он им сказал?

Мелани понимает, что речь не об этих мужиках. Она вздыхает поглубже и чувствует, что в ее голосе сквозит напряжение:

– По-моему, ни черта он этим козлам не сказал. С какой стати? Кто они вообще такие?

Гарри накрывает верхнюю губу нижней и причмокивает.

– В море выловили труп. Зацепился за «Холли» – прибрежную нефтяную платформу, и его обнаружил подсобный рабочий. А не то бы унесло течением прямо в океан. Вот этот парень – Марчелло Сантьяго, член банды и уголовник со стажем. – Он снова передает одну из фоток. Темноволосый и мускулистый – тот, что мерзким голосом предложил намазать ее солнцезащитным кремом. – У него скверный послужной список, куча тяжких преступлений, включая драки и изнасилования. Его поделник, Дэмиэн Кувер, с которым его недавно видели и который в настоящее время считается пропавшим без вести, – известный педофил. Тебе повезло, что с тобой и девочками был Джим. От этих ребят можно ждать чего угодно.

Мелани разглядывает фотографию Сантьяго. Кровь стынет у нее в жилах. Включается кондиционер, и в комнату врывается холодный воздух. Мелани вздрагивает.

– Он... мертв, – потрясенно произносит она. Звучит глупо, ведь Гарри только что объяснил: труп смыло в море, но она в шоке.

Мелани, впрочем, осознает, что невольно наделила офицера полиции некой властью. К чести Гарри, он прикидывается, что не услышал ее совершенно идиотского замечания, и опускает глаза в блокнот.

– Джим вернулся с тобой и девочками, верно?

– Да, – говорит Мелани, морщась. А затем вдруг судорожно вздрагивает, как раз когда Гарри поднимает голову.

– Все нормально?

Мелани делает глубокий вдох и кивает.

– Страшно подумать, что они были так близко от девочек... – Она снова смотрит на фотографии на столе, пытаюсь прийти в себя. – Как думаешь, что произошло?

– Ну, у нас пока нет официального заключения патологоанатома, но предварительный осмотр указывает на множественные колотые раны.

– О боже, – говорит Мелани, а затем – пожалуй, чересчур поспешно – спрашивает: – Думаешь, это разборки между бандами?

– Сантьяго мертв, Кувер пропал без вести. Наверное, Кувер убил его из-за какой-то мелкой ссоры и сбросил труп в море, чтобы выглядело как разборки между бандами, вот только он не учел «Холли»... впрочем, с этими парнями никогда не знаешь... – Гарри снова стучит по блокноту. – Может, они были под кайфом, поругались, черт, да что угодно... на этом отрезке пляжа обычно многолюдно, но после Дня независимости... Скоро должны прийти результаты криминалистической экспертизы, – сообщает он, а затем его тон меняется: – Послушай, Мел, ясно, что не мне спешить с выводами. Я тебе все это говорю по секрету, как друг. – Он делает паузу, с надеждой глядя на Мелани.

Та благодарна, хоть и не понимает, какой признательности он ждет.

– Я ценю, Гарри.

– Но я с тобой откровенен еще и потому, что могу говорить свободно, учитывая твой опыт общения с такими людьми... – он снова делает паузу, и у Мелани звенит в ушах, – по работе.

– Спасибо...

– В общем, эти парни – невелика потеря, – весело говорит Гарри, складывая документы, – просто две очень опасные личности, – и встает.

Мелани тоже поднимается.

– Да, по их поведению было видно.

– Есть и другая теория, – кивает он, внимательно следя за ее реакцией. – Возможно, Кувер тоже мертв. Так что, хотя эти парни и опасны, возможно, они не настолько опасны, как тот, кто их завалил. Если, конечно, это сделал кто-то третий.

– Ну да, – говорит Мелани.

Мысли у нее путаются, и она понимает, что Гарри снова пытается их прочесть. Она пробует переключиться на Деверё-Слу, океанскую фауну и гнездящихся крачек, что так заинтересовали Джима.

– Ну и как Джим? – беззаботно интересуется Гарри.

– Уехал на родину, в Шотландию. Он потерял родственника. – Она направляется через прихожую к крыльцу, вынуждая его последовать за ней и в кои-то веки надеясь, что он переведет взгляд на ее задницу.

– Грустная новость. Кто-то из близких? – Она слышит у себя за спиной его бесплотный голос, тонкий и металлический.

Мелани открывает дверь и поворачивается к нему лицом.

– К счастью, нет, – твердо говорит она. Вышло равнодушнее, чем следовало. Но она и так рассказала Гарри предостаточно. – А сейчас извини, мне надо забрать детей.

– Конечно, – улыбается он и не спеша выходит из дома. – Рад был повидаться. Буду держать тебя в курсе. – Он слегка козыряет ей, после чего удаляется по подъездной дорожке.

Брат

Удобнее всего добираться до Лита пешком – из центра города вниз по Лит-уок. Франко решил насладиться каждым шагом долгого перехода, но заглянул по пути в пару магазинов уцененных электроприборов. Нигде не было американско-британских переходников или британских шнуров для айфона. Зато ему попытались всучить почти все прочие электрические или телефонные товары и услуги, какие только можно себе представить. Отказавшись, он вышел обратно на улицу.

Зарядил дождь, поэтому Франко запрыгивает в автобус, спускающийся по Лит-уок. Когда он добирается до Пилрига, дождь стихает, поэтому через пару остановок Франко выходит и быстро шагает вниз – по Джанкшн-стрит и Ферри-роуд к Форт-хаусу. Это внушительное здание, памятник муниципальной архитектуры шестидесятых, сейчас зловеще пустует, но его пока еще не снесли. Франко смотрит на высоченные стены комплекса, поглядывает на квартиры. Раньше здесь жили Рентоны, Кисбо, Мэтти... но тут совсем ничего не осталось. Его охватывает тоска, и он направляется к Ферту, навстречу крикам чаек. Вскоре он уже пересекает зону интенсивной застройки в Ньюхейвене. Район изменился до неузнаваемости.

Элспет не дала номера их брата Джо – только адрес, который тот ей оставил, когда заявился пару недель назад бухой, чтобы одолжить бабла. Мало шансов застать его там же. Джо был убежденным халявщиком и перебирался с места на место, то снимая ненадежную хату в ЖСК, то пользуясь добротой старых приятелей, после чего навсегда обрывал связи с организациями и друзьями.

Этот район нового Лита предназначался для яппи, но квартиры строились из дешевых материалов, поблизости не было никакой социальной инфраструктуры, так что из-за кризиса они стали неликвидными. Чтобы сократить потери, застройщики передали жилье ЖСК, который сдавал его квартиросъемщикам, живущим за чертой бедности, – нередко исключенным из крупных программ за антиобщественное поведение. Поэтому те немногие яппи, что по глупости приобрели подобную недвижимость, неожиданно оказались обитателями рудиментарных трущоб.

К удивлению Франко, Джо все еще проживает по тому же адресу и почти сразу невесело открывает дверь, после чего возвращается внутрь, вынуждая его пойти следом. Брат смотрит на Франко безразлично, словно тот недавно выскочил за сигами, а не свалил в Калифорнию на шесть лет. Джо Бегби, одетый в аляску, плюхается на кушетку и отхлебывает выдохшегося сидра из литровой пластиковой бутылки. Ему сразу легчает, когда Франко отказывается от глотка.

Франко окидывает взглядом маленькую голую халупу. Стены побелены, но засалены вокруг выключателей. Бежевый ковер, к которому прилипают ноги, полинял от разных пролитых жидкостей. Повсюду пустые картонки из-под еды, банки из-под напитков и переполненные пепельницы. Напоминает антирекламу: как не должен жить мужчина средних лет.

– Эта Сандра, Фрэнк, ты был прав за нее. Ты просчитал эту овцу, – говорит красноглазый изможденный Джо, полируя сидр глоточком виски из бутылки «Граус».

Он протягивает ее Франко, но тот снова отмахивается, вспоминая о Сандре и чипсах. Они всегда ассоциировались у него друг с другом после подросткового секса на старом товарном складе.

– Вытурила тебя, угу?

– Ебаная блядская сука, – цедит Джо, и глаза у него загораются. – Натравила на меня спиногрызов, и все такое. – Он качает головой, но потом его лицо вдруг веселеет. – По-любасу рад тебя снова видеть. Я знал, что ты вернешься.

– Только на похороны. Потом свалю.

Лицо Джо сердито морщится, и он опускает виски на деревянный журнальный столик, почерневший по периметру от затушенных бычков.

– Тока не говори мне, что не ищешь того мудака, который Шона порешил! Уж я-то ищу!

– Угу, лежа на диване?

- Я ищу! – протестует Джо. – Это не так просто... ты не в курсах, что тут щас творится...

- Угу, жизнь – нелегкая штука, – вежливо соглашается Франко.

- Курева нема.

- Какая трагедия. Прими мои пофигезнования.

- А ты завязал?

- Угу.

- Смолить?

- Угу.

- Завязал с куревом?

Франко качает головой:

- Ну как тебе еще сказать?

- Гммф. – Джо сверлит брата взглядом. – Значит, это художество бабло приносит?

- У меня все тип-топ.

- Угу, читал за все это, базара нет. Угу, у тебя-то все пучком! Шкары, – озлобленно говорит Джо, кивая на начищенные черные кожаные туфли Франко. Похоже, это его заводит, и он вдруг взрывается: – Не говори только, что не совершал ошибок, Фрэнк!

Фрэнк Бегби сохраняет спокойствие и ровно, размеренно втягивает воздух.

– Ошибки совершают другие люди. Люди, которые пытались меня объебать. Вот они совершали ошибки. Обычно они за это расплачивались.

Брату приходится сбавить обороты.

– Калифорния. Как тебе там, Фрэнк?

– Вполне.

– Кто бы сомневался. – Глаза Джо бегают, точнее, бегают что-то в их глубине. – Вот как такие попадают в Калифорнию? – говорит он, еле ворочая языком, а потом вдруг резко: – Большой домина, да?

– Пять спален. Большая пристройка, переоборудованная под мастерскую, или студию, как я ее называю. – Франко буквально поет, ощущая приятный вкус во рту.

– Рядом с морем?

– Не-а. Ну, где-то в трех четвертях мили.

– Но зато большой домина, – с упреком продолжает Джо.

– Угу, хотя в округе полно домов еще больше. А ты? Так и валандаешься по чужим диванам, братан?

– Угу, это хата моего другана Даррена.

– Приятного мало, – кивает Франко, снова окидывая взглядом комнату, стены которой как будто немного сдвигаются всякий раз, когда он на них смотрит. – Может, я просто не догоняю, в чем тут гламур.

Джо вне себя и злобно смотрит на Фрэнка:

– Вернулся сюда, чтобы жировать тут над всеми...

– Видать, когда сам кормишься халявой, кажется, что все остальные жируют, – говорит Франко.

– Позычь, а? – просит Джо совсем другим тоном. Франко еще в самом начале разговора понял, что добродушие или презрение окружающих совершенно не влияют на настроение Джо. Оно целиком определяется количеством алкоголя, гуляющего по организму, и беспорядочным внутренним монологом, который отрывисто звучит в его затуманенном мозгу.

Франко встает и выуживает из кармана хрустящую десятку. Кладет на стол.

– До встречи на стадике за воротами.

11

Второй сын

Он прошел мимо старой школы «Литская академия» на Дьюк-стрит, теперь переоборудованной в многоквартирный дом, вспоминая, как сидел рядом с тощим рыжеволосым Рентоном на уроке английского. Как силился понять слова на странице, зная, что учитель Хезерингтон, задиристый бородатый регбист с кожаными заплатами на локтях клетчатого пиджака, снова заставит его читать. Мысленным взглядом он увидел, как учитель, выпучив зенки, озирает класс, а у маленького Фрэнка внутри все сжимается и душа уходит в пятки.

– Фрэнсис, следующим читаешь ты...

Класс охватывает бурная радость от предстоящего унижения. Затем сидящий рядом Марк Рентон шепчет:

– Джули сходила в кино с Элис.

– Джули сходила в кино с Элис... – повторяет Франко.

– Очень хорошо, Фрэнсис Бегби. Но было бы куда лучше, если бы Марк Рентон держал рот на замке... Следующая строка, Фрэнсис.

У него перед глазами, эхом отражаясь друг в друге, пляшут каракули.

– Ш... ш... ш...

– Так что же там Джули и Элис... еще помнишь их?.. Что там Джули и Элис ходили смотреть в кино, Бегби? Какой фильм они посмотрели?

Вокруг медленными волнами нарастает смех. Он чувствует, что Рентон, один лишь Рентон, злится вместе с ним.

– Кто-нибудь может помочь Фрэнсису Бегби?

«Кто-нибудь может помочь Фрэнсису Бегби?»

– Элейн! Ты всегда нас выручаешь!

Потом слышится тоненький голосок Элейн Харкинс, заносчивый и нетерпеливый. «Фрэнсис Бегби снова всех задержал».

– Они решили посмотреть «Унесенные ветром» с Кларком Гейблом и Вивьен Ли в главных ролях. Элис пошла купить мороженого и попкорна в буфете.

«Буфет. Пизделки в „Тайни“».

Задроченный местными магазинами электроники, Франко решает, что лучше всего купить британскую мобилу. Он останавливает свой выбор на дешевом телефоне с предоплатой и направляется в «Теско» внизу Лит-уок, где раньше, как он помнит, находился «Скотмид». Хотелось надеяться, что долго этим девайсом пользоваться не придется. Выйдя на улицу, он для проверки набирает Терри. Телефон сразу же переключается на автоответчик («Это Терри. Если ты девочка, оставь сообщение, и я тебе перезвоню. А если ты мальчик, то мне по барабану. И все дела»), но теперь Франко хотя бы знает, что труба работает. Посмотрев через дорогу на бар «Стрелок», он вспоминает былое, а потом думает о семье.

Проходя через «Кёркгейт-центр», Франко замечает, что на него пялится костлявый, но жилистый парень в красной куртке-«харике». Это Майкл, младших из двух его сыновей от Джун, который, как Франко слышал, уже завоевывает авторитет.

Когда он подходит к стене у магазина с закрытыми жалюзи, узкие глаза парня слегка расширяются.

– А, так это в натуре ты, – пренебрежительно говорит Майкл. – Маманя говорила, что ты приезжаешь.

Франко хочется ответить: «Не, это не я», – но он сдерживается и говорит:

– Угу. Хочешь чайку выпить?

Майкл на секунду задумывается.

– Угу. Лана.

Шагая по Джанкшн-стрит, Франко замечает двух малолеток, шумных и развязных, которые идут им навстречу. Заметив их приближение, молодые люди резко замолкают и отводят взгляд. Франко уже привык, что вызывает в Лите подобную реакцию, и, как бы извиняясь, поворачивается к сыну, однако понимает, что Майкл не заметил мальчишек и продолжает идти, погруженный в свои мысли. Франко изучает его профиль, но не обнаруживает никакого сходства с собой, да и на Джун Майкл тоже не похож. Парень выглядит совершенно обособленной единицей.

Кафе «Канаста» на Боннингтон-роуд по-прежнему на месте, хотя и пришло в еще большее запустение с тех пор, как Франко последний раз был в городе. Они находят свободную кабинку и садятся, им подают традиционный кофе с молоком, мерзкий на вкус, но в то же время странно успокаивающий. Франко спрашивает сына:

– Чё там за история с Шоном?

Рот Франко растягивается в довольной улыбке.

– Мне нравилось иметь сыновей чисто теоретически, но меня никогда не интересовали ни ты, ни Шон. Я никогда не любил вас так, как моих девочек. Моих красивых, богатых, избалованных девочек. Вы, пацаны, – он качает головой, – никогда не видел в вас, пацанах, никакого смысла.

Майкл вдруг разжимает губы, сомкнутые в презрительной ухмылке. Сигарета в его пальцах направлена на Франко:

– Все сказал?

– Не-а, – говорит Франко, вставая. – Где сейчас твоя маманя живет?

Майкл в первый раз улыбается. Подкуривает сигарету. Смотрит на отца:

– Хуй знает.

12

Бывшая

Демонстративный бойкот со стороны Майкла бессмыслен: адрес, по которому Франко направляется, крепко засел у него в памяти, ведь это рядом с домом, где когда-то жил его ненавистный конкурент. Двигаясь снизу по Дьюк-стрит к Истер-роуд, а затем по Ресталриг-роуд, он смотрит на почти сдохшем айфоне недавно присланное видео. Грейс и Ева сидят на кушетке и машут в камеру – одна задорно, а другая застенчиво и настороженно. СМС от Мелани: «Скучаем по тебе и любим тебя!»

Внутри у Франко что-то шевелится, но он отключает телефон и подавляет эмоции. Он в Лохэнде, и темнеющие улицы под морозящим дождем вызывают в памяти лишь непрерывную канитель прошлых разборок и вендетт. Противоречивые чувства здесь неуместны. Он прячется на крытой автобусной

остановке и, достав трубу из «Теско», пытается вбить номер сотового Мелани на допотопных многофункциональных клавишах. В груди поднимается злость, и Франко старается дышать медленно, пока под воздействием его крупных пальцев меняющиеся иероглифы на скачущем жидкокристаллическом экране постепенно складываются в ее номер. На остановке также наличествуют:дохлый голубь, выброшенный кебаб (который выглядит лучше загнувшейся пташки) и две пустые банки из-под «Теннентс супер лагер», аккуратно поставленные одна на другую. Франко охватывает эйфория, когда набирается полный номер Мелани, включая штатовский код «+1».

После этого телефон сдыхает. Просто вырубается сам собой.

Франко отчаянно жмет кнопки. Нихера. Сдох. Франко смотрит на телефон со жгучей злостью и уже собирается растоптать. Но вместо этого зафутболивает пивные банки по тротуару и запихивает трубу обратно в карман.

«Дыши. Раз, два, три».

Дождь усиливается и стучит по крыше остановки, а Франко ненадолго предается призрачным воспоминаниям, теплым и хорошим, которые так и не выходят до конца из тени и не разворачиваются полностью. Девушка дотрагивается до его руки, ее волосы касаются его лица, ее запах у него в ноздрях. Неужели такое бывало с ним и до Мелани? Конечно да. Но он не может этого допустить – не может позволить, чтобы это место стало не таким, каким он сам его сделал. Затем грохот ослабевает, ветер стихает, а дождь снова переходит в мелкую морось.

Подъезд легко найти. Одно время Франко строил далеко идущие планы о том, чтобы подбросить зажигательную бомбу в соседний дом, где обитал Ча Моррисон, его давний враг. Теперь Фрэнка удивляет, что этот чувак так сильно его волновал, что сам он вообще задумывался о подобных вещах. Какое великое преступление совершил Моррисон против него или он против Моррисона? Ничего такого не приходит на ум. Одни разговоры, которые набирали обороты, становясь диковинной чередой угроз и ответов. В остальном же у них было ноль оснований для конкуренции. Они взаимно подогревали этот конфликт, чтобы придать своей жизни драматизма, силой воображения превращая вражду в жестокую реальность.

Он заходит в соседний подъезд и понимает, что не может вспомнить, в которой из шести квартир живет Джун. Он без понятия, какой фамилией она пользуется. Не видно ни таблички с ее девичьей фамилией Чизем, ни, слава богу, таблички с фамилией Бегби, которой она стала пользоваться и под которой зарегистрировала Шона и Майкла, хотя они с Франко никогда не были расписаны. Ни одна из дверей не наводит на мысль о большом богатстве, поэтому он останавливает выбор на той, что сильнее всего вопиет о нищете. Она выкрашена черной краской, немного пролившейся на дверную раму, и выглядит раздолбанной. Скотчем приклеен желтеющий клочок бумаги, где написано, что здесь проживает ДЖ. МАКНОТОН. Франко стучит в дверь – и точно, открывает Джун.

С тех пор как он мельком видел ее на материнских похоронах, на удивление жирную, Джун еще сильнее раздалась. Невозможно подогнать эту ее версию к той худой и дерганой из воспоминаний. Она смотрит на него, и на одну мучительную секунду кажется, будто она собирается его обнять. Губы у нее дрожат, а глаза умоляют. Но потом она резко разворачивается и скрывается внутри. Атакуемый запахом кошачьей мочи и старого, застывшего фритюрного жира, но в первую очередь – застоявшегося табака, Франко заходит в квартиру вслед за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Альбер Камю. Бунтующий человек (L'Homme révolte?, 1951; пер. Ю. Стефанова и Ю. Денисова). – Здесь и далее примеч. перев.

«Китайская демократия» («Chinese Democracy», 2008) – 6-й студийный альбом американской хард-рок-группы Guns N' Roses (с 1985).

Купить: <https://telnovel.com/irvin-uelsh/rez-ba-po-zhivomu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)